

Флетчер Прэтт

БИТВЫ, ИЗМЕНИВШИЕ ИСТОРИЮ

ХРОНИКИ

ВОЕННЫХ

СРАЖЕНИЙ

Флетчер Прэтт

Битвы, изменившие историю

«Центрполиграф»

2010

Прэтт Ф.

Битвы, изменившие историю / Ф. Прэтт — «Центрполиграф»,
2010

Флетчер Прэтт – писатель, переводчик и историк, серьезно изучавший период Гражданской войны в США и историю легендарных сражений. Автор книги доказывает, что решающим фактором, позволившим западно-европейской культуре распространиться по всему миру, стали войны. Охватывая многовековой исторический период, он подробно рассматривает основные решающие битвы со времен завоеваний Александра Македонского и до Второй мировой войны. Прэтт детально описывает самые мельчайшие подробности сражений, изменивших ход мировой истории. И варианты развития политики и экономики ведущих держав в случае другого исхода битв.

Содержание

Несколько вступительных слов	5
Глава 1	8
I	8
II	12
III	15
IV	18
V	21
Глава 2	22
I	22
II	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

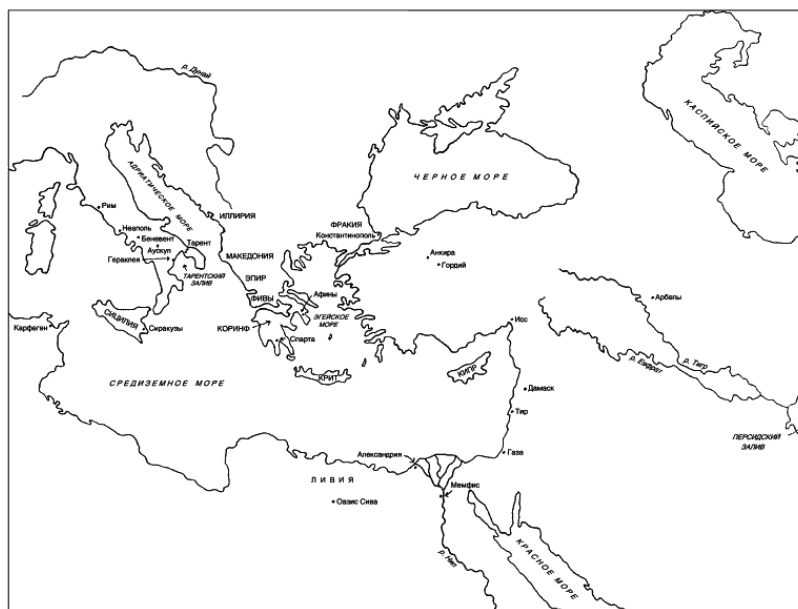
Флетчер Прэтт

Битвы, изменившие историю

Несколько вступительных слов

Глядя на обширный и неровный ландшафт, порой нужно прищурить глаз, чтобы различить его главные черты. Примерно то же нужно сделать тому, кто захочет отыскать смысл в истории. Внимание к деталям важно для подробного анализа и придает ему точность, но часто приводит к разбору мелочей и мешает осознать поистине значительные вехи, которые окружены большим количеством мелких фактов.

Эта книга – это «взгляд прищуренных глаз» на один из аспектов истории Запада. Одной из самых поразительных черт западноевропейской культуры выглядит ее способность добиваться убедительных результатов военными средствами. Возможно, это качество явилось решающим фактором, позволившим этой культуре распространиться по всему миру. Конечно, на Дальнем Востоке и в Африке хватало великих битв и великих побед, но их результаты не оказывали долговременного воздействия на ход мировой истории. Классический случай – завоевания Китая; они привели лишь к ассимиляции победителей, и возникшие в результате культурные модели были усвоены только самым узким кругом окраинных территорий. Постепенное проникновение в Индию через афганские перевалы обошлось без каких-либо военных событий и, что более важно, почти не имело того эффекта, который изменил бы основной образ жизни в Индии или распространил бы его на другие регионы. Подлинно решающие войны стали происходить, когда представители западно-европейской культуры (и те, кто постепенно усвоил ее, подобно арабам) осознали, что на поле битвы возможно изменить ход истории.

Древний мир

Предвижу много разных мнений по поводу выбора битв, приведенных в книге в качестве решающих, и потому хочу объяснить, на каком основании делался такой выбор. Первый критерий состоит в том, что война, в ходе которой происходила битва, должна сама по себе привести к какому-либо результату, должна действительно стать одним из тех поворотных пунктов,

после которых история могла отправиться совсем по другому пути, если война имела бы другой исход. К примеру, можно взять несколько сражений из Первой мировой войны, рассмотреть с технических оснований то существенное воздействие, которое она оказала на идеологию и тактику сражений; но сама война ничего не решила, так что через двадцать лет пришлось ее повторить. Кроме того, некоторые решения, принятые в битвах Первой мировой, оказались обратимы. Например, Цусима; любой, кому вздумалось бы написать эту книгу в 1930 году, мог назвать ее результативной, и кое-кто так и сделал; но дальнейший ход событий не позволяет нам согласиться с этим мнением.

Второй критерий выбора заключается в том, что битва, о которой идет речь, должна привести к положительному результату. История полна негативных решений, которые не позволили чему-то произойти. «Пятнадцать решающих битв» Криси (первая книга из серии, в которую входит и данное издание) говорит о битвах при Шалоне и Туре, произошедших близко друг от друга; обе они стали превентивными решениями. Но особый талант западноевропейской культуры, если она берется за оружие, есть талант решительно изменять ход истории в битве, давая ему новое направление. Это сделали все описанные здесь битвы вопреки субъективным сожалениям, возможным в каждом отдельном случае.

Кроме того, пришлось ввести определенное ограничение, чтобы этот труд не превратился в общую военную историю западного мира, пространную, как Британская энциклопедия. Для соблюдения такого ограничения были исключены те случаи, когда сражение или военная кампания, хоть и решающие, едва ли могли привести к иному результату. Безусловно, и здесь возникнут разногласия в связи с этим критерием отбора, но я могу проиллюстрировать свою точку зрения битвой при Теночтитлане, в которой Кортес уничтожил империю ацтеков. Принимая во внимание малое число испанцев, участвовавших в битве, в ее исходе существовал некоторый элемент сомнения; к тому же Теночтитлану предшествовала битва, в которой испанцы потерпели безоговорочное поражение. Но европейцы со своей материально-технической подготовкой: кораблями дальнего плавания, лошадьми, мечами, мушкетами, доспехами и умением все это применять настолько превосходили индейцев, что, если бы армия Кортеса была разбита, это явилось бы случайностью в нахлынувшей волне завоевания.

Победа викингов над Англией была неизбежна не по причине их технического превосходства, а в результате более рациональной социальной организации. Гастингс ничего не решил, кроме имени норманнской династии, которая заняла английский трон, а основная система изменилась весьма незначительно. Напротив, распадавшуюся Византийскую империю могла бы спасти от турок только убедительная победа, которая не произошла; и битва при Манцикерте, как обычно считается, нанесла империи сокрушительный удар и поддержала существовавшую тенденцию.

Перечисленные здесь битвы можно рассматривать как результативные в антидетерминистском смысле. Не все из них отменили существовавшие тенденции, хотя для отобранных сражений это типичная характеристика. Вполне понятно, что силу древнеперсидской империи, стремившейся поглотить греческую цивилизацию, могли нейтрализовать только военные действия; так и случилось: после победы Александра Македонского при Арбелах поглощение пошло в другом направлении.

Тогда встал вопрос о том, в какой степени греческая система способна поглотить другие. Часто считается, что самому суровому испытанию римская система подверглась в великом противостоянии с Карфагеном, но я полагаю, что после пристального рассмотрения нельзя прийти к такому выводу. Карфаген был сильным противником, на службе у него находились величайшие гении военной истории, но фундаментальное военно-экономическое устройство Карфагена имело изъяны. Поражения Карфагена во время его войн с Римом всегда были *катастрофическими*; а поражения римлян заставляли их еще больше собираться с силами: они имели гораздо более мощное и способное к быстрому восстановлению государственное устройство.

Опасность этому устройству грозила лишь однажды, при Беневенте, когда оно столкнулось с системой, оставшейся грекам в наследство от Александра и обладавшей элементами прочности, которой никогда не было у карфагенской организации.

После этого дальнейшее развитие Римской империи стало неизбежно; исход любых сражений, к каким бы последствиям они ни вели, был в большой степени предрешен. Фундаментальная структура западной цивилизации, на поле битвы или вне его, была определена для многих поколений. А неудача римлян, пытавшихся завоевать Германию, была неизбежна; римлянам так и не удалось разработать действенную тактику лесной войны. Восстание Ника, первый настоящий кризис, после которого могли начаться базисные изменения, произошло слишком поздно (в 553 году н. э.) и уже в Константинополе, в центре того, что осталось от Рима.

После этого утекло немало воды вместе с громадной волной варварских нашествий. Та эпоха была богата переменами и выдающимися личностями, но она не перестроила основы культурной модели. Можно указать на развитие отдельных тенденций, но не на резкую смену направлений, происшедшую за Арбелами. Когда смена все-таки произошла после битвы при Кадисии, она прошла по касательной к прежнему течению, а не в противоположном направлении; нужно уяснить значение Кадисии, чтобы понять, почему едва возникшая сила ислама превратилась в угрозу развивающейся европейской системе. Западная Европа положила конец этой угрозе в Испании, и причины этого объясняются в книге; это было кардинальное изменение характера угрозы в регионе, причем имел значение сам способ изменения.

Куда более серьезным для Запада оказалось продвижение ислама по Дунаю, когда туркам удалось разработать не только военную систему, превосходившую достижения их мусульманских предшественников, но и военно-политическое устройство, обладавшее способностью к неограниченной экспансии. Вена радикально повернула развитие событий; когда прилив схлынул по Дунаю, вместе с ним ушла последняя возможность того, что иноземцы смогут навязать европейцам чуждую организацию, и с тех пор результаты сражений оказывались в пределах вариаций западноевропейской культуры.

Чем дальше мы отходим от наивысших точек, тем лучше их видно. После Вены легче проследить тенденцию, и части все лучше соединяются в единое целое. Возможно, главу об освобождении Орлеана следовало поместить не туда, где она находится исходя из хронологии, а в более поздний раздел. Но для этого пришлось бы выхватить из контекста один из ключевых фактов, связанных с Веной: турки представляли более серьезную опасность для Карла V, чем протестантская Реформация.

Я не приношу извинения за употребление термина «битва» в довольно широком смысле. Не всегда военные решения зависели от исхода одного сражения. Висксбергская кампания лучше всего демонстрирует это положение; она определенно сыграла решающую роль, но ни об одном из пяти ее сражений нельзя сказать, что оно пошло дальше, чем подтверждение характера всей кампании. Непреодолимая сила была в командных решениях и натиске подвижных колонн Гранта, которые располагались таким образом, что при любом столкновении силы северян оказывались на поле битвы в таком количестве, которое предопределяло победу.

Если кому-то покажется, что значительная часть описанных здесь битв имеет отношение к Америке, на это можно ответить, что появление Соединенных Штатов в качестве мировой державы является одним из выдающихся фактов истории, какой мы знаем ее сейчас. Еще один такой факт – возникновение Советского Союза; но решения в пользу этого государства редко принимались на поле битвы (в конце концов, не все решения принимаются там), и в пропагандистских целях реальные события так часто намеренно искажались, что здесь невозможно дать о них честный отчет.

Глава 1

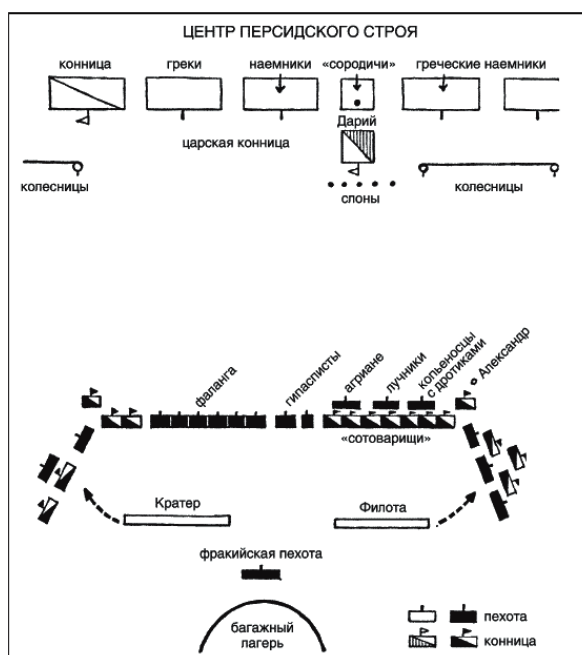
Арбалеты и человек, который хотел быть богом

I

Греции пришлось сделаться империей, чтобы выстоять.

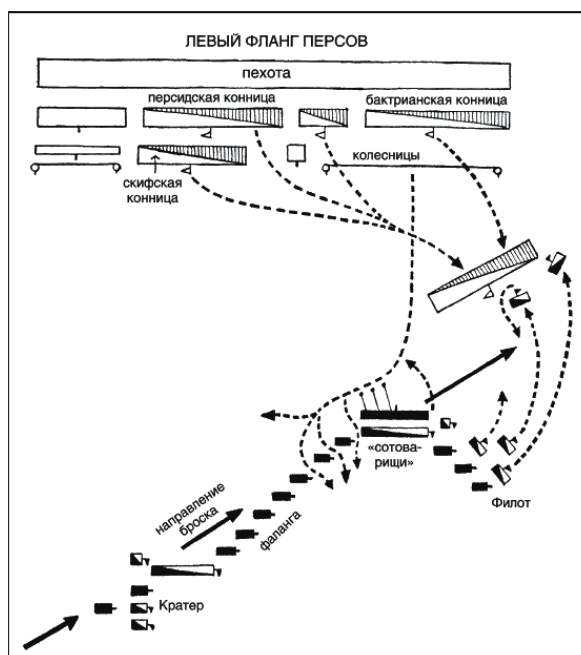
Демосфен, подобно многим либералам, изолированным в круге собственной правоты, не смог этого понять. Он был гением и проповедовал достойные восхищения идеалы; идеалы демократии, состоящей в том, что государство есть общая воля всех его отдельных элементов и приходит к единому решению посредством свободного обсуждения. Он не смог увидеть, что даже в Афинах такая демократия оставалась недостижимым идеалом, а реальная демократия была ненадежным равновесием, на которое снизу и сверху, изнутри и снаружи напирала разрушительные силы.

Достижения Афин в искусствах, философии, в любом роде умственной деятельности были великолепны, в них всегда присутствовал демократический идеал, но в самих Афинах было не больше настоящей демократии, чем во Флоренции времен Возрождения, также отличавшейся успехами на интеллектуальном поприще. Демократия сосредоточивалась в руках небольшой кучки граждан, имевших право голоса, словно на островке в безбрежном море рабов, метеков¹ и ненатурализованных жителей иностранного происхождения. Учение Демосфена страдало роковым несоответствием; на его знаменах развевался девиз: «Демократия только для афинян». От Спарты – откровенной олигархии – Афины отличались культивированием духовных ценностей и меньшим ограничением личных склонностей индивидуума. Два государства представляли собой культурные противоположности, но различия между ними не были политическими.

Арбалеты; боевой порядок Александра

¹ М е т е к и в Древней Греции – чужеземцы (переселившиеся в тот или иной полис), а также рабы, отпущенные на волю.

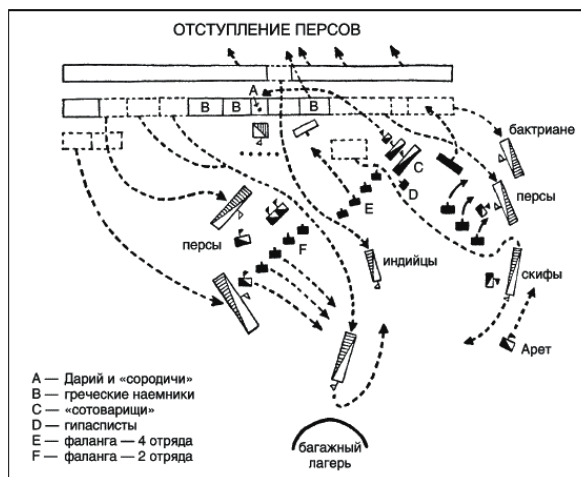
Арбелы; наступление Александра

Из-за жестких наложенных на себя ограничений афинская демократия была не способна на добровольное сотрудничество с другим государством. Афины вступали в союзы, но лишь на строго оговоренный срок и перед лицом неминуемой угрозы. Они не могли быть участником более крупной организации: для них это значило бы признать чужеземцев равными, а вся афинская демократия стояла на тех идеологических основах, что никто иной не достиг и не способен достичь ее уровня. Когда Афины сформировали союз – Делосскую лигу, его участники подчинились Афинам. Им было позволено войти в священное братство греков (единственного цивилизованного народа в мире) в качестве второсортных участников, таких, как неуклюжие беотийцы или кроткие коринфяне.

Это был не обычный провинциализм: у афинян была особая гордость за свои достижения, подлинность которых в то время и позднее никем не оспаривалась. Но узость понимания демократии лишила Афины одного из особых ее преимуществ – механизма защиты. Монархия и тирания находятся в удачном положении на первых этапах войны; они обладают объединенным командованием, способностью координировать совместные усилия, направленные к единой цели, и неограниченным контролем над ресурсами. Но опыт веков показал, что тираническому устройству не удастся совладать с жизнестойкостью демократии, ее способностью на время принимать любые отклонения от обычной практики для большей эффективности военных действий с той легкостью, с какой талант прокладывает дорогу вверх по демократической структуре, имеющей большую свободу. В закрытом кругу афинской демократии одаренному человеку было не так легко пробиться к вершине и остаться там; тем более никому и в голову не приходило искать таланты у раба или метека. Афинам не хватало упругости; Спарта, организованная для тотальной войны, обладала этим качеством в большей степени.

Защитный механизм необходим всегда. Система защиты греческих городов-государств создавалась на основе явления, которое сделало несовершенной их демократию: общего осознания себя *греками*, обладающими *гомонаией* и обязанными поддерживать друг друга против огромного зловещего мира варваров. Благодаря определенным факторам этот механизм какое-то время справлялся со своей задачей. Один из этих факторов психологического характера: преданность каждого грека своему городу, своей группе; отношения взаимного доверия между

сообществом и личностью. Два фактора технические: создание эффективных железных доспехов, копий и мечей; а также их изготовление по одному образцу, позволяли организовывать группы вооруженных воинов в боевые единицы. И один тактический фактор: благодаря взаимному доверию, греки научились маршировать в ногу.

Арбалеты; слом персидского строя

Последнее обстоятельство выступило на первый план в сражении при Марафоне в 490 году до н. э., а в Платеях оно решило дело. В обеих битвах азиаты, сильные и храбрые воины, сражались так, как это характерно для племен: небольшими отрядами по десять – двенадцать человек, поочередно стремительно наступая в разных местах битвы. Но в месте атаки выстроенная в ряд греческая пехота неизменно превосходила их числом, длинные пики не давали им приблизиться, в ближнем бою греческие доспехи оказывались непробиваемы, а доспехов у них не было, лишь маленькие круглые щиты, способные задержать стрелу. При Марафоне персы обратились в бегство; при Платеях они потерпели сокрушительное поражение, и даже конница, бывшая предметом гордости персов, не смогла противостоять частоколу греческих копий.

И все же битвы при Фермопилах, Саламисе, Марафоне, Платеях не привели к решающим результатам. Они позволили грекам сохранить на время созданную ими цивилизацию и показали их недостижимое тактическое мастерство. За победами греков не было такого фундаментального преимущества, как технология производства мечей и мушкетов, стоявшая за покорением американских индейцев белыми людьми. Персы могли бы не хуже греков изготавливать железные доспехи и восьмифутовые² пики и обучать воинов обращению с ними; персы не меньше греков были способны научиться маршировать в ногу; и когда некоторые из них поняли, в чем хитрость этого фокуса, персы замаршировали.

Даже преданность не была монополией; в столетие, которое последовало за Платеями, греческий характер стал ощутимо клониться к закату в результате конфликтов, известных под названием Пелопоннесской и Коринфской войн. Воин-гражданин поднялся на защиту своего дома, но от него требовалось почти ежедневное спасение родины в течение нескольких лет, и он в большей степени стал солдатом, чем оставался гражданином; поэтому в промежутках мира между сражениями он постепенно начал осознавать, что потерял дом и превратился в наемника.

Подробно вдаваться в запутанные перипетии того времени не обязательно. Главная тенденция ясна: Персия мало-помалу подчиняла Грецию не силой оружия, которое терпело поражения, а политическим воздействием системы, которая умела соединять малое в большое. Под

² 1 фут равен 0,3 м.

предводительством Ксенофона 10 тысяч греков прошли по Малой Азии, и никто не был в силах их остановить, но это были наемники на содержании персов. Когда Спарта установила гегемонию в греческой цивилизации, греческий же флот сверг ее среди островов в битве при Книде в 394 году; но флот получал плату из Персии и находился под командованием персидского сатрапа. По условиям «царского мира» 386 года Персия безоговорочно получила греческие города Малой Азии, и вечное вмешательство персов в греческие дела стало считаться правом. Спарта, Фивы и даже Афины друг за другом брали персидские деньги на поддержание проектов, которые в итоге приносили выгоду только Персии.

Иными словами, несмотря на всю внушительность армий и умелое командование, на уровне государства греки не сумели ничего противопоставить персидской системе управления и персидскому образу жизни. Сначала Персия начала адсорбировать их, затем этот процесс превратился в абсорбцию, когда внутренние конфликты значительно ослабили греков. Механизм коллективной обороны, характерный для греческой культуры, распадался, а по сути уже распался.

II

В 367 году Филиппа, младшего сына царя Македонии, отправили в Фивы в качестве заложника, гарантирующего «примерное поведение» маленького, но неугомонного царства его отца по отношению к раскинувшимся на побережье греческим полисам. От их имени выступали Фивы, ибо в то время они на краткий период заняли главенствующее положение. За четыре года до Левктр фиванцы нанесли ошеломляющее поражение одной из спартанских армий, дотоле неуязвимых, убив стоявшего во главе армии царя и положив конец лидерству Спарты в континентальной Греции, которое Спарта уже потеряла раньше на островах.

В то время сам воздух Фив был наэлектризован, и удивительное свершение фиванских земледельцев вызвало немало толков. Говорили, что оно удалось благодаря главнокомандующему (и главе государства) Эпаминонду. Столкнувшись со спартанской армией, известие о приближении которой повергло его родной город в уныние, он решил пойти против обычая и не вывел войска тяжеловооруженных пехотинцев параллельными рядами. Он перестроил своих лучших воинов в массивную колонну глубиной в пятьдесят человек, поставил на левом фланге и выдвинул далеко вперед до того, как столкнулись остальные части двух армий. Этот громадный людской таран пробил насквозь правый фланг спартанцев, и все спартанские воины, не polegшие на землю, вскоре бежали в разные стороны.

Большинству людей сражение представлялось таким простым. Наверное, пятнадцатилетний македонский мальчик был одним из немногих, кто понял, что все не так просто: прежде чем глыба фиванцев врезалась во вражеские ряды, конница вела ожесточенное сражение с противником на флангах; фиванские всадники, известные своим мастерством, отогнали спартанскую конницу, известную своей слабостью, а затем атаковали фланг вражеского строя в тот момент, когда ударил фиванский таран. Пятнадцатилетнему мальчику было под силу сделать такое наблюдение; он принадлежал к народу, чьи правители сделали войну своим единственным занятием, отчасти под влиянием обстоятельств, отчасти по естественной склонности.

В большинстве своем греки считали македонцев не совсем частью *гомонойи*, а варварами, овладевшими верхами греческой культуры и говорившими на диалекте греческого языка. Македонцы были главным образом дорийскими греками, которые остановились на равнине Галиакмона во время великого южного переселения племен и немного смешались с местным населением. Это смешение не было таким глубоким, как смешение отправившихся на юг дорийцев с ахейцами, которые шли перед ними; кроме того, македонцы не участвовали в переселении в период с VIII века по V, когда в городах-государствах развились разнообразные формы правления: аристократии, олигархии и демократии. В политическом смысле Македония была чрезвычайно консервативна; она сохранила старую систему царя и совета, и ее жители считали себя гражданами Македонии, а не Пеллы или Лариссы. Это была одна из тех черт, которые делали их негреками.

Пребывание Филиппа в Фивах длилось три года. Он вернулся в Македонию, получил в управление небольшую отдаленную провинцию и продолжал взрастать живым и буйным весельчаком, настоящим женолюбом (он, недолго думая, женился шесть раз) и еще большим охотником до вина. У македонцев есть что-то общее с викингами, в особенности у Филиппа; за кутежами, которыми он привлекал внимание, никто не замечал, что Филипп успел произвести примечательные изменения в армии своей провинции, и, несмотря на похмелье, он с утра выходил муштровать войска.

В 359 году, когда Филиппу исполнилось двадцать три, его старший брат царь Пердикка погиб в сражении с линкестскими горцами, оставив несовершеннолетнего сына и вдовствующую царицу, сущую мегеру, которая ранее была регентшей и мечтала стать вновь. В македонской истории такое случилось не впервые, и все племена с окружающих гор: илирийцы

с запада, линкесты и пеонийцы с севера, фракийцы с востока – сошлись, чтобы собрать дань с равнинных городов, пока царский род в упадке. Македонский царь, подобно вождю викингов, был военным лидером; совет знатнейших родов обратился к Филиппу с просьбой принять царский венец. Несомненно, этому шагу предшествовала энергичная подготовка со стороны претендента.

От пеонийцев и фракийцев он откупился деньгами, отогнал линкестов с помощью местных новобранцев и заручился поддержкой Афин (временно занимавших руководящее положение в Греции), уступив им свои права на мятежную колонию Амфиполь; остальное отложил на время. В ту же зиму Филипп начал разрабатывать золотой рудник на горе Пангее, наполнивший царскую казну, что стало ключевым фактором, после чего послал в южную Грецию и греческую Италию за экспертами и принялся за устройство и муштровку своей армии.

На выполнение этой задачи ушли годы, кое-что Филипп узнал у фиванцев, многое – из других источников; но основные элементы Филипп изобрел сам, и главный состоял в том, что это была первая в мире регулярная армия, сформированная на основе всеобщей воинской повинности, первая армия в мире, в которую рекрутов не только набирали, а сознательно обучали, комбинируя все виды войск.

Ядром новой модели стала фаланга тяжеловооруженных пехотинцев; их вооружение состояло из длинного меча и копья – сарисы, значительно превышавшего по длине обычные греческие копья; различные источники утверждают, что сариса имела от двенадцати до двадцати футов в длину. Воинов обучали выстраиваться в ряд с интервалом в три фута и смыкать ряды, встречая конницу. Чтобы увеличить подвижность, Филипп отказался от нагрудника, характерного для греческого гоплита, в пользу кожаной куртки, но оставил щит и шлем. Воинов разделили на полки по 1536 человек, особый вес фаланге придавал боевой строй в шестнадцать рядов глубиной вместо восьми или двенадцати рядов, обычных для гоплитов.

До Филиппа одним из слабых мест пехоты были фланги; для прикрытия флангов своей фаланги Филипп прикрепил к ним войска собственного изобретения – щитоносцев-гипаспистов, которые позже прославились под прозвищем «серебряные щиты». Их вооружение состояло из копий и мечей, но копья были короче и щиты легче, чем у фалангитов; это было маневренное подразделение, которое могло рассыпаться цепью и сосредоточиваться. На случай легкой стычки армия располагала мобильными лучниками и копьеносцами с дротиками; в отряды копьеносцев в основном входили горцы агриане, а лучники главным образом набирались из греческих наемников, поскольку Греция славилась как питомник лучников.

Но сердцем армии и ее ударной силой была тяжелая конница – гетайры или «царские сотоварищи». У них были шлемы, щиты, нагрудники и копья, но поскольку стремя еще не успели изобрести, копьё использовалось не как пика, а для того, чтобы вонзать его во врага. Служить в «сотоварищах» было почетно, а почетнее всего было попасть в эскадрон из двухсот пятидесяти человек, который всегда находился на крайнем правом фланге, в самом опасном месте, и был известен под названием агемы – «царской дружины». Затем Филипп услышал, что в греческих городах Италии появились машины, умевшие разбивать каменные и бревенчатые стены, под защитой которых преимущественно находились города; он привез в страну тамошних инженеров и заставил их создать первый в истории передвижной осадный обоз с тяжелыми средствами прорыва.

Все рода войск состояли на действительной военной службе, где их тщательно муштровали, заставляя совершать марш-броски на тридцать пять миль в день в полном снаряжении. К весне 358 года у царя было 10 тысяч обученных пехотинцев и 600 конников, с которыми он пошел на племена горцев, которые так ему досаждали. Пеонийцы сдались после первого не очень тяжелого боя; иллирийцы были достаточно сильны, чтобы выстоять в сражении в традиционном греческом стиле, но Филипп показал им нечто новое в военной тактике. По приказу царя левый фланг избегал боя, пока в центре и с правого фланга наступали щитоносцы и

фалангиты, но, когда на переднем крае создалась неразбериха, конница на левом фланге бросилась на противника и практически уничтожила его.

После этого горцы утихли, немало рекрутов из их племен влились в растущий корпус национальной армии, что способствовало объединению Македонии, поскольку новобранцев не распределяли по национальностям, поэтому армия сплочивалась. В последовавшие шесть лет, пока царь совершенствовал свою армию и свой план – не больше и не меньше как нападение на громаду персидской империи, не случилось ничего заметного, кроме нескольких стычек с греческими полисами (например, к возмущению Афин, Филипп штурмом взял Амфиполь). Совершать это нападение он собирался не как царь Македонии, а главнокомандующий лиги всех государств Греции. Словом, он увидел то, что проглядел Демосфен: персидская система вытеснит греческую цивилизацию, если греки не объединятся, а Персия сохранит свои размеры и богатства. Более чем вероятно, что Филипп намеревался создать мощное государство на территории, населенной греками; чтобы не завоевывать, а сосуществовать.

Демосфен не проглядел значение первых этапов процесса объединения Греции. По его мнению, результатом должно было стать подавление демократии (в том числе лишение демократического государства привилегии воевать с любым другим государством). Когда по тщательно организованной просьбе граждан Филипп вмешался в один из локальных конфликтов и вышел из него официальным главой фессалийской конфедерации, оратор выступил со своей первой филиппикой. И продолжал выступать до конца своих дней.

Здесь нужно заметить, что Филипп был дипломатичным лжецом крупного калибра, распутником, пьяницей и разбойником, а с гражданскими делами управлялся так же ловко, как с военными. Правление его было эффективно. Золотые рудники, разработка которых началась при нем, позволяли ему за все платить наличными; при дворе у него царила справедливость, и под его руководством народ процветал. Что толку в демократии, если при Филиппе жить лучше? Таким образом, в большинстве городов крепили профилипповские настроения, и задача Демосфена весьма осложнилась. Нет нужды останавливаться на каждом па в этом запутанном танце, но в 338 году союзные армии Афин, Фив и нескольких городов помельче вышли против македонской армии в Херонее. Фиванцы были уничтожены, афиняне потерпели сокрушительное поражение.

К удивлению побежденных, победитель не занялся ожидаемыми вымогательствами и репрессиями, а созвал греческие города, в том числе Афины и Фивы, на совет в Коринфе. Филипп стал председателем на этом совете; зная, что греки думают своими языками, он разрешил им ораторствовать сколько вздумается. В конце концов было заключено общее соглашение, запретившее междоусобные войны и для верности назначившее Филиппа главнокомандующим коринфской лиги. Кроме полицейской функции, лига полагала целью войну с Персией – войну возмездия, ибо нападения начались за полтора века до того времени и не прекращались, хотя изменили характер. Эта концепция помогла промакедонским партиям; что могло быть популярнее, чем союз *гомоний* против великой державы, которая не признавала греческое единство.

III

В 357 году Филипп взял седьмую жену, эпирскую принцессу по имени Олимпия, которую он встретил в Самофракии во время празднования мистерий. Она была орфическая жрица и вакханка, утверждавшая, что ведет свой род от Ахилла, участвовавшая в странных ритуалах и дружившая со змеями. В каком-то смысле она стала его единственной женой, женщиной, способной соответствовать ему. В брачную ночь ей приснилось, будто в ее лоно ударила молния, и в положенное время она родила сына, которого называли Александром.

Первым наставником Александра был человек необычайной строгости, который заставлял его маршировать до полуночи, чтобы нагулять аппетит к завтраку, и не давал есть досыта за завтраком, чтобы нагулять аппетит к обеду. Когда Александр вышел из возраста начальной школы, его порекомендовали заботам Аристотеля. Обучение шло как в философском, так и в военном духе; Александр с ранних лет отличался такой силой, такой ловкостью, такой необычайной привлекательностью, такой находчивостью и сообразительностью, что ввиду тесных связей его матери с таинственными божествами поползли слухи о его возможном сверхъестественном происхождении. Мужая при дворе, он, бывало, выпивал за компанию глоток-другой вина, но не больше. Он проявлял необыкновенное воздержание и выходил из спальни с презрительной усмешкой, когда отец посылал куртизанку к нему в постель; он был равнодушен и к азартным играм. В восемнадцатилетнем возрасте он командовал отрядом гетайров, когда началось решительное наступление на Херонею. Когда Александру исполнилось двадцать, передовые войска под командованием Пармениона заняли позицию на Дарданеллах для нападения на Персию, Филиппа убили, и Александр стал царем Македонии.

Главные города оппозиции, Афины и Фивы, пришли в восторг от известия о смерти чудовища, но он быстро охладел, стоило только Александру перейти через перевалы во главе своей армии. В покоях отца молодого царя избрали главнокомандующим лиги, и он вернулся в Северную Македонию, где провел две стремительные кампании на Дунае и в Иллирии, чтобы укрепиться на передовых позициях, прежде чем предпринять великий поход против Персии. Источники мало сообщают об этих кампаниях, но они стали ключевыми событиями. Дело было не только в том, что Александру удалось так обуздать племена, что они в течение целого поколения не причиняли ему беспокойства, но и в том, как он это сделал. Он еще жестче, чем Филипп, вел войска в поход; он был в середине каждой битвы и всегда с тем отрядом, который предназначал для решающего удара: то с фалангой, то с гетайрами, то с гипаспистами, а порой с легкими лучниками. Иными словами, он принял новую тактическую концепцию. Маневры Александра приводили бывалых военачальников, прослуживших Филиппу по два десятка лет, в изумление и даже некоторое возмущение; но они должны были признать, что все шло как задумано, и между молодым полководцем и его войском наладились отношения прочного доверия.

Пока Александр был в походе, персидский царь Дарий III Кодоман, который полностью представлял себе намерения македонцев, испробовал старый безотказный трюк – подкупил греков, вынудив их сражаться друг с другом. Спарта, не входившая в члены Коринфской лиги, взяла у него деньги; так же поступил и Демосфен от имени Афин, хотя официально город отказался; Фивы, наверное, тоже не упустили своего. Поползли слухи о том, что в северных землях Александра убили, для доказательства были сфабрикованы улики. Фиванцы восстали и напали на македонский гарнизон, расположенный в городской цитадели; Афины решали, не следует ли предпринять какие-либо серьезные шаги, когда как гром среди ясного неба свалился Александр со своей армией, взял штурмом Фивы (при этом погибли 6 тысяч жителей в уличных боях) и приказал сровнять город с землей. К Афинам он отнесся с величайшим вниманием не только под влиянием эмоций, так как считал их сердцем греческой культуры, но и по практи-

ческим соображениям: Афины обладали могущественным флотом. Как правило, для любого поступка у Александра находилось не меньше двух причин.

Теперь свой опорный пункт в Греции царь мог считать надежным. Зимой 335 года Александр направился к проливу, отозвал Пармениона с занятого плацдарма и начал готовиться к вторжению. Можно быть уверенным, что с самого начала он отказался от отцовской концепции ведения ограниченной войны ради сохранения Греции и нацелился на завоевание Персидской империи и структуры, на которую она опиралась. Ожидалось, что его долго не будет в Греции; управлять македонско-греческими делами он оставил Антипатра, наделив его военными полномочиями и 9 тысячами македонских солдат. В ведении Олимпии, королевы-матери, находилось управление гражданскими делами, хотя зоны влияния королевы и полководца в некоторой степени перекрывались. Эти двое ненавидели друг друга, и можно было надеяться, что им удастся достичь определенного динамического равновесия.

Армия вторжения насчитывала 30 тысяч пехоты и 5 тысяч конницы. Кроме македонской регулярной армии, в нее вошел сильный контингент войск Лиги из традиционных греческих гоплитов и отряда фессалийской конницы. Во всех предыдущих войнах основной целью было обнаружить армию врага, разбить ее и после этого захватить вражеские города; Александр внес в свои действия такое же невиданное, как введенное Филиппом объединение родов войск, — стратегический план. Для двадцатиднолетнего юноши, который от нетерпения не мог усидеть на месте, это был удивительный план: очистить все западное побережье Азии и лишить баз находящиеся на службе у Персии флоты, предотвратить таким образом контрнаступление на македонские коммуникации или в глубь Греции. Александру была прекрасно известна слабость уз, связывавших персидские провинции с центром, причиной которой была система местной автономии; он полагал, что провинции с готовностью перейдут на сторону сильного, а также что Дарию понадобится немалое время, чтобы собрать армию на борьбу с Александром.

Он отправился вдоль побережья Малой Азии и у реки Граник с крутыми берегами встретил первое сопротивление в виде 20 тысяч азиатских всадников и 20 тысяч греческих наемников-пехотинцев под командованием Мемнона Родосского, персидского военачальника. Мемнон совершил ошибку, попытавшись удержать берег реки с помощью конницы, пока греческие копьеносцы были в арьергарде. Атака гетайров Александра прорвала оборону, фаланга захватила брод и разметала наемников во все стороны. Потом под пятой царя пала большая часть Фригии, на защиту которой персы оставили слишком мало сил. Потом Александр двинулся на юг Малой Азии, захватывая города, затем вернулся в Гордий и Анкиру, расположенные на центральном нагорье, и отправился через горы на юг, на берег Ликии.

Тем временем Дарий собрал армию в несколько раз больше македонской и, продумав стратегию, внезапно привел ее в арьергард Александра на равнине Исса (стоял октябрь 333 года). Там персы оказались зажаты в тисках между горами и морем, поэтому численное превосходство не принесло им никакой выгоды; в сражении македонцы вели решительные атаки, и армия Дария была разгромлена; те солдаты, что остались живы, поспешили унести ноги, пока Александр продолжал поход вдоль побережья. Из городов выстоял только Тир; понадобилась восьмимесячная осада, чтобы взять город, но, когда Александр все-таки занял его, вместе с городом он получил весь финикийский флот и воды восточного Средиземноморья.

Газу тоже пришлось брать осадой, но Египет почти не сопротивлялся, и Александр продвинулся по нему до знаменитого оракула Зевса-Амона в оазисе Сива. Это сыграло ключевую роль; дежурный жрец приветствовал его как сына Зевса, хотя не знал, кто перед ним, и они вместе прошли к божественному жертвеннику, где Александру было откровение, которое он потом никогда не обсуждал. Но начиная с того времени легенда о его божественном происхождении стала распространяться все шире. Люди той эпохи не находили в таком утверждении ничего глупого; все, включая, вероятно, самого Александра, верили, что он происходит от Ахилла по материнской линии и от Геракла по отцовской. Вдобавок он часто имел дело

с уроженцами Востока, где божественность царского сана считалась традиционным, вполне обычным установлением; царя не признавали царем, если он не был особым образом связан с богами, даже в Израиле. В Греции же сверхъестественное происхождение царя имело специфический смысл; в городах-государствах была очень сильна антимонархическая традиция, ставшая одним из основных поводов возникновения оппозиции, недовольной Филиппом. Но совсем другое дело, если вами распоряжается не царь, а полубог.

В Мемфисе Александр произвел реорганизацию системы управления, оставив гражданскую администрацию в руках местного таланта, который должен был править в соответствии с местными обычаями, а ведение военными делами и командование гарнизоном передав македонским военачальникам. Впоследствии он устанавливал такую систему везде. Наступила весна 331 года; у Мемфиса армия соединилась с подкреплениями из Греции, в основном состоящими из наемников, и Александр повернул назад на север, встретил свой флот в Тире и отправил сильную эскадру в Грецию, чтобы присматривать за спартанцами. Он ударил в глубь страны, мимо Дамаска, перешел Евфрат у Тапсака и пошел к верховьям Тигра (на север от руин Ниневии), откуда македонцы двинулись вниз по левому берегу реки. Разведка, как и все вспомогательные службы в армии Александра, была отлично налажена; он узнал о приближении Дария, который собрал всех людей, которых смог найти, намереваясь сразиться на открытой равнине к востоку от Тигра. Захватчик не собирался отказывать ему в этом сражении.

IV

Сам Дарий Кодоман, видимо, не имел большого полководческого таланта, но обладал даром находить опытных людей и с их помощью наилучшим образом использовал громадный потенциал империи. Два года, пока продолжался поход Александра по восточному Средиземноморью, прошли в собирании огромного войска; кроме персов, в него влились бедуины с Красного моря, армяне, парфяне, гиркане и даже пумтуны из далекой Индии. Некоторые древние авторы оценивают эту армию в миллион человек, что, безусловно, является преувеличением и означает «очень многочисленное войско», но едва ли размер армии был меньше меньшего из приведенных чисел: 45 тысяч конницы и 200 тысяч пехоты против 40 тысяч пехоты и 7 тысяч конницы в распоряжении у Александра.

Свою передовую позицию персы установили в Арбелах, откуда Дарий перешел на тридцать пять миль западнее. Там обширную равнину подготовили для планируемых военных действий: выровняли пригорки и убрали все препятствия. У Дария было двести серпоносных колесниц, неизвестных македонцам и обладавших разрушительной силой. Колесницы он поставил впереди, намереваясь с их помощью дезорганизовать фалангу. В середине ряда колесниц перед тем местом, где должен был находиться Дарий, встали пятнадцать боевых слонов, пригнанных с Инда. Можно было не сомневаться, что Александр ударит в направлении персидского царя, как это было в Иссе, и самолично возглавит конницу гетайров; слоны должны были прорвать его боевой порядок.

Точная картина расположения остального войска Дария не так ясна по той причине, что в дальнейшем его боевой порядок был смят. Слева далеко вперед были выдвинуты бактрианские и скифские лучники на лошадях и в доспехах во главе с восточным сатрапом Бессом, одним из наемных военачальников; рядом с ними встал крупный отряд конной гвардии персидского царя. На крайнем правом фланге под командованием опытного полководца по имени Мазей расположились армянская и каппадокийская тяжелые конницы. Центр второй линии занял монолитный блок персидских пеших копьеносцев, прозванных «сородичами» и обученных по греческому образцу, на рукоятях их копий изображались золотые яблоки; с обоих флангов их поддерживали соединения греческих наемников, это был единственный род войск, который должен был встретиться с фалангой пешим, но ожидалось, что столкновение произойдет после того, как передний край фаланги сломят колесницы, а с флангов ее атакует конница. Слева от твердого пешего центра расположились еще несколько конных соединений бактриан и персов; справа еще всадники: персы, индийцы, гиркане, парфяне; в основном степняки. Сзади по племенам, названия которых не имеют значения, выстроились пешие новобранцы, имевшие отсталое вооружение и неопытных командиров, они даже не знали языков друг друга и присутствовали скорее для того, чтобы подчеркнуть власть и славу великого царя, всерьез на них никто не рассчитывал.

Этот боевой порядок в ожидании немедленной атаки увидел Александр, когда 30 сентября с отрядом отборных всадников отправился вперед. Вместо нападения он стал лагерем, чтобы дать отдых людям после дневного броска, подумать и совершить несколько ритуалов, которым его научили египетские жрецы. По окончании уединенных заклинаний в царскую палатку вошел Парменион, старый полководец Александра, и высказал предположение о том, что ночная атака сможет дезорганизовать даже такое громадное войско, как персидское. Александр отказался, а его слова стали достоянием истории: «Я не стану красть победу». Однако, как это бывало со многими возвышенными изречениями Александра, под его отказом скрывалось ясное понимание того, что преимущества македонцев состоят в дисциплине и координации, а в ночных условиях они пропадут даром. Странно то, что ни одному из царей не пришлось в голову провести операцию против коммуникаций противника; по всей вероятности, снабже-

ние гигантской армии Дария было затруднено, а снабжение войска Александра – рискованно из-за удаления от основных баз. Скорее всего, объясняется это тем, что обе армии имели проблемы со снабжением, их можно было решить только убедительной победой в сражении.

Когда утром Александр развернул армию, ее боевой строй соответствовал тому, что он увидел вчера. Царь был уверен, что персидское войско слишком громоздко, чтобы существенно поменять построение. Весь правый фланг македонцев состоял из конницы «сотоварищей», половина агриан, лучников и метателей дротиков выстроилась вдоль передовой линии для защиты от слонов и серпоносных колесниц. Слева к «сотоварищам» примыкали гипасписты, затем шла фаланга со своими монолитными рядами и, наконец, греческие, фессалийские и фарсалийские конники. Командовал этим флангом старый Парменион.

Передовая линия была так коротка, что македонский левый фланг не доходил до правого фланга персов, а Александр с крайним правым флангом гетайров стоял почти напротив Дария. Таким образом, персидские войска с обеих сторон перекрывали армию Александра, справа в большей степени; и Александр мог быть уверен, что противник обязательно попытается ударить с боков. На этот случай он принял меры, сформировав две летучие ударные группы и временно поместив их в центре позади передовой линии. Справа под началом Филота находились остальные легковооруженные войска и отряд легкой конницы во главе с Аретом, греческие конные наемники и полк ветеранов-пехотинцев для усиления. Слева под командой Кратера стояли отряды одрисиев и союзной греческой конницы, полк наемников и несколько отрядов пехоты из Фракии. Обе ударные группы обладали большой подвижностью и получили приказ сражаться перевернутым фронтом при необходимости, отражать удары противника с боков и окружать тех, кто попытается зайти с тыла. В укрепленном лагере остались только несколько подразделений фракийских горцев, которые умели биться двумя мечами, но плохая выучка не позволяла им точно выполнять маневры. Боевой строй армии Александра имеет большое значение; он объясняет весь дальнейший ход событий.

Вместо наступления, Александр развернул фронт на 45 градусов направо (налево со стороны персов), под его личным руководством тяжелая конница передвигалась быстрее обычного. Дарий, видя, что они подходят к границе выровненной местности, где могли оперировать колесницы, приказал коннице левого края приостановить этот маневр. Александр ответил тем, что выдвинул вперед греческих конных наемников под началом Филота; но персы отогнали их назад. Когда следом в бой вступила легкая конница Арета, Бесс пустил в ход бактрианских и скифских всадников. Последовало ожесточенное сражение между всадниками с участием гетайров; вокруг поднялось такое густое облако пыли, что трудно было что-нибудь разглядеть. Доспехи у бактриан были лучше, и сначала македонцы несли тяжелые потери; но воины Александра умели наносить резкие и частые удары сплоченными отрядами, тогда как азиаты бились беспорядочной кучей. Они не справлялись с пехотой, поддерживавшей фланг, и в конце концов были вынуждены отступить.

Тем временем Дарий направил свои серпоносные колесницы против фаланги, которая после длительного маневра оказалась перед конницей гетайров. Легковооруженные воины в передних рядах обрушили на возничих и лошадей град стрел и копий, перебегая от одной колесницы к другой, перерезали упряжь и хватали вожжи; нескольким колесницам, которым удалось выбраться из этой свалки, не осталось ничего другого, как ехать дальше в тыл фаланги, где их захватывали конюхи.

Конница персов слева от пехотного центра (по приказу или без него) оставила свое место и последовала за бактрианами и скифами Бесса вокруг правого фланга македонцев. Александр приказал Арету атаковать их фланги легкой конницей, оправившейся после начального удара; сам царь построил гетайров в громадный клин и направил их в широкий прорыв, оставленный персидской конницей, прямо к пехотному центру, где стоял Дарий, издалека заметный на своей высокой колеснице. Гетайры вместе с монолитными рядами фаланги набросились на грече-

ских наемников и копьеносцев с золотыми яблоками; персидское войско было смято. Возникший Дария упал мертвым к его ногам; Дарий вскочил на лихого скакуна и обратился в бегство.

Александр послал гипаспистов в гущу пеших варваров позади персидского центра и готовился броситься в погоню, когда до него дошли сведения о том, что Пармениону и Кратеру на левом фланге приходится туго. Персы, индийцы и степная конница вражеского правого фланга напали на левофланговый летучий отряд Кратера, сильно отставший от наступающей фаланги, и окружили его. У Пармениона было слишком мало конных воинов, и он мог только обороняться от вражеских войск; эскадроны противника окружили его и хлынули в образовавшийся между ним и фалангой коридор. Многие персидские всадники бросились к обозу Александра; остальные взяли Пармениона в кольцо.

Но отряд фаланги, еще не занятый в центре, развернулся и с тыла атаковал персов и индийцев, грабивших лагерь. Вражеские отряды не могли выстоять против напора македонцев и начали пятиться, и в этот момент гетайры во главе с Александром ударили по ним с тыла. Тогда разразилась самая отчаянная битва дня, в которой Александр потерял шестьдесят гетайров из двух сотен своих лучших «сотоварищей», прежде чем последние боевые отряды врага были уничтожены. Перед тем как расположиться на ночную стоянку, армия Александра предприняла тридцатипятимильный форсированный марш, преследуя теперь уже бывшего царя Персии.

V

Результативность битвы при Ар белых заключается не в том, что Александр добился победы, а в том, как он распорядился ею. Исходя из поверхностной исторической оценки, в этом сражении и следующих военных кампаниях, которые увели его за Окс к берегам Инда, он разрушил силу, угрожавшую греческой культуре. В военном смысле это событие продемонстрировало, что дисциплинированная и правильно вооруженная армия не имела преград на своем пути, что присущий цивилизации военный механизм состоит в совместном разумном использовании средств, доступных каждому.

Здесь следует отметить воспитание Александра. Аристотель внушал ему превосходство греков над варварами, которых не считали полноценными людьми. Но Александр пошел дальше и предпочел делить людей на хороших и плохих, независимо от их национальности. Венчающим актом, следующим за его походами и сражениями, стал брак 7 тысяч македонцев с персиянками в Вавилоне по местным обычаям. Основная идея состояла в том, что *гомонойя* – «единство в согласии» должно существовать не только между греками, но и людьми разных народов. Собственный жизненный путь Александра едва ли мог внушить ему иной образ мыслей; греки зачастую не признавали его соотечественником, и он всегда сознавал, что в его жилах течет доля иллирийской крови; но ради сохранения греческой культуры он поверг врагов Греции и завоевал весь мир, как можно говорить о мире того времени. Зевс-Амон был богом солнца; каждый человек имел право на его свет, и Александр почел своим долгом принести этот свет всем.

От этой идеи идет прямой путь к изречению Павла о том, что «нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного». Александр проповедовал эту идею, подкрепляя ее практическими средствами и поддерживая греческим разумом и македонским оружием. Если в последующее время созданное им государство перестало быть великой державой, это случилось, скорее всего, из-за того, что лучшие умы этой державы и самой Греции хотели эллинизировать остальной мир. Биограф полководца Ульрих Вилькен говорит: «Весь дальнейший ход истории, всю политическую, экономическую и культурную жизнь нового времени невозможно понять в отрыве от судьбы Александра».

Глава 2

Рыжеволосый царь в Беневенте

I

Крючконосый посол от северных племен был до нелепости напыщен в своей длинной не по росту тоге. Его ломаный греческий язык вызывал смех, и собравшиеся на агоре граждане расхохотались, когда он потребовал репараций за четыре корабля, разгромленные местной чернью. Всем было известно, говорили ораторы, что эти корабли не имели права входить в гавань, и толпа совершила неофициальный акт правосудия в соответствии с законом. Поэтому под общий хохот посла закидали комьями грязи. Через некоторое время он прекратил попытки объясниться, подобрал грязную тогу, невразумительно буркнул о том, как долго придется ее отстирывать, и гордо удалился прочь.

После его ухода отцов города осенило, что отправившие посла племена довольно многочисленны и могут сильно навредить крестьянам в отдаленных землях. Тогда было решено отправить по Адриатике посольство в Эпир к царю Пирру и попросить у него помощи им во имя *гомониои*, союза греков против варваров, обещая ему право забрать себе все, что захватит у племен. Царь Пирр был рад подходящей возможности. Близились его сорокалетие; всю жизнь в нем проявлялись черты авантюриста, начиная с раннего детства, когда однажды ночью иллирийцы забрали Пирра и бежали от тех, кто узурпировал трон его отца. Повзрослев, юношей он вольнонаемником участвовал в великой битве при Ипсе, которая решила, что наследие Александра не останется единым, а будет разделено на отдельные владения. Он встал не на ту сторону и оказался среди заложников в Египте.

Там он встретил Беренику, одну из царских жен, и произвел такое впечатление на эту волевою женщину, что она отдала ему в жены свою дочь, затем позаботилась о том, чтобы Пирр получил достаточно денег, собрал армию и отправился на родину. Это был хороший политический ход, поскольку египетский фараон Птолемей вел борьбу с унаследовавшим Македонию родом, и все, что могло ослабить старое царство, шло ему на пользу.

По боковой линии Пирр был родственником великого Александра и потомком Ахилла, о чем свидетельствовали рыжие волосы, которые он носил подобно легендарному герою гомеровского цикла. Прибыв в Эпир, он доказал, что является тем человеком, которого в нем видел Птолемей. Очень быстро он собрал армию у границ Македонии и занял половину страны, чье население признавало его солдат такими же греками, как они сами. Его военное искусство изумляло; подобно Филиппу, его правление отличалось разумностью и справедливостью. Считали, что люди из его рода более выносливы в войне, чем умны, но он во всех отношениях опровергал это суждение.

Нельзя сказать, чтобы ему не хватало военных талантов. Из своей армии он выковал инструмент, не уступающий армии Филиппа Македонского; у него было даже то преимущество, что Пирр находился в дружественных отношениях с Селевком Никатором, перед которым пал греческий Восток после распада империи Александра. От этого властителя Пирр получил слонов, в то время одно из самых внушительных боевых средств. В Индии они показали, что способны оказать сопротивление любой коннице, даже гетайрам Александра.

Но Пирру с таким же безграничным честолюбием, как у Александра, и доведенной до совершенства армией некуда было идти. Перспектива была одна: война против другого эллинского государства, но опыт показал, что такая агрессия вызовет к жизни альянс против общего врага; в обычае среди городов-государств было объединяться против сильнейшего. По этой

причине Пирра так обрадовало послание из Тарента о том, что городу угрожают племена варваров. На варварском Западе были те же широкие возможности, какие нашел Александр Македонский на варварском Востоке; и рыжеволосый царь Эпира немедленно откликнулся на обращение тарентинцев.

Весной 280 года до н. э. он прибыл в Тарент, преодолев яростный шторм, угнавший несколько кораблей Пирра к берегам самой Ливии. Дельфийская пифия посулила ему победу. Киней, его доверенное лицо, оратор и философ, отправился в город немного раньше с 3 тысячами человек и уже был готов отчитаться. Что касается жителей Тарента, они встретили царя не слишком благосклонно, поскольку имели склонность к демократическому правлению. Кроме того, они заключили альянс с городом Фурии; а находясь на противоположном берегу Тарентского залива, Фурии представляли собой превосходный опорный пункт, откуда можно было грозить варварским шайкам, делавшим вылазки на восток вдоль побережья.

Относительно варваров Киней сообщил, что о них говорят как о довольно опытных воинах. Несколько их племен составили одну из тех конфедераций, что быстро создаются и быстро распадаются у варваров. Недавно они приняли участие в войне с самнитами, крепкими горцами центрального полуострова, у которых, вероятно, можно будет получить наемников. Пирр решил отправить послов к самнитам и стал дожидаться подхода остальных войск, имея при себе всего 2 тысячи воинов и двух слонов.

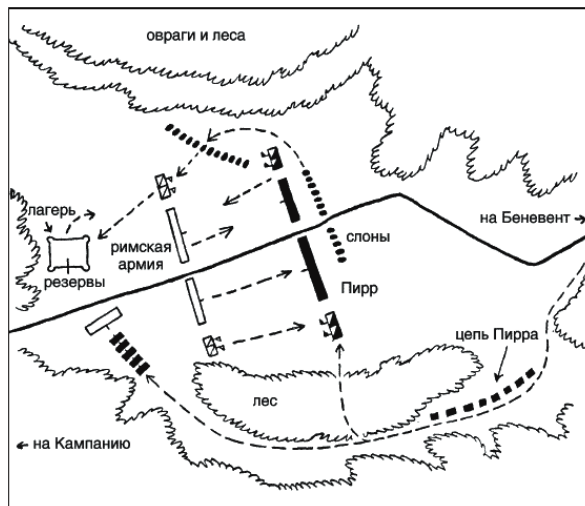
Когда все войска были в сборе, они насчитывали 20 тысяч пехотинцев, 3 тысячи всадников, 2 тысячи лучников, 500 пращников и 20 слонов. Царь немедленно закрыл гимнасии и прогулочные портики, запретил все празднества и гуляния как неуместные в военное время.

Это не прибавило ему популярности у жителей Тарента, но они вышли на учения, и местные гоплиты составили подразделение, которое заменило гарнизон, который царь оставил в цитадели.

Можно предположить, что на подготовку ушло несколько месяцев. По ее окончании Пирр выступил из города с армией, которая, за исключением слонов, практически копировала армию Александра Великого, набранную для азиатского похода. Подобно македонской армии, сердцевину войска составляли сплоченные шеренги выученных фалангитов, на флангах рядом с конницей располагались гипасписты. В личной гвардии Пирра было меньше воинов, чем гетайров, поскольку эпироты не были очень хорошими всадниками, но он взял за образец обычай Александра набирать в элитные войска лучших людей отовсюду, невзирая на происхождение, и гвардия росла. А пока основную часть его конницы составляли фессалийцы, отличные воины. Киней договорился с несколькими городами греческой Италии о снаряжении союзного контингента гоплитов, хотя варваров, по сообщениям, было больше, чем воинов у Пирра.

После этого рыжеволосый царь выступил в поход и, как того требовали общепринятые нормы вежливости, послал вперед гонца, предлагая свою кандидатуру в качестве третейского судьи в разногласиях между тарентинцами и варварами. Некоторое время спустя посланец вернулся с гордым ответом: Пирра не принимают как арбитра и не боятся как врага. Царь продолжил путь, стал лагерем на вершине холма у реки Лирис неподалеку от Гераклеи и верхом отправился на разведку, желая рассмотреть варварский лагерь на противоположном берегу.

Его глазам открылась римская консульская армия.

Беневент

II

Со своего места царь увидел аккуратный частокол, которым был обнесен римский лагерь, часовых, расставленных по порядку, мускулистых невысоких солдат в добротных шлемах и кольчугах из железных пластин, гуськом шагавших к реке за водой. Обернувшись к одному из своих военачальников, он сказал: «Порядок в войске у этих варваров совсем не варварский».

Больше он не успел ничего сказать. Узнав о его приближении, римляне хлынули из лагеря к бродам, вспенивая реку легковооруженными воинами. Было бесстыдством не ответить на вызов; больше того, в те времена по соображениям не тактики, но обычаев и чести считалось желательным начинать сражение после перехода на противоположный берег реки, как поступил Александр на Гранике. Пирр приказал Мегаклу вывести и построить фалангу, а сам встал во главе конницы, намереваясь остановить дерзкое наступление римлян.

Тогда завязался главный бой его жизни. Всадников у римлян было меньше, чем царь полагал, но они оказались куда лучшими воинами, чем он ожидал; за конницей войска Пирра наткнулись на легионеров, с которыми грекам дотоле не приходилось иметь дело. Вооружение легионеров состояло из больших полуцилиндрических щитов, которые они смыкали, обороняясь, коротких копий и тяжелых коротких мечей. Они разделились на небольшие отряды – манипулы и выстроились в шахматном порядке в отличие от обычной для греков сплошной линии. Манипулы проявили удивительную подвижность. Стоило только ударить во фланг одной из них, как противника тут же с фланга атаковала другая. Лошадь Пирра была убита под ним, его конная гвардия отброшена, сам он еле успел укрыться за фалангитами, прежде чем две передние линии сошлись в схватке.

Столкновение было оглушительное; когда конница врезалась во фланги, началось одно из самых ожесточенных сражений в истории. Фалангитам пришлось сомкнуть ряды, поскольку на открытых местах римским отрядам, расположенным в шахматном порядке, удавалось дробить фалангу на отдельные части, после чего римляне бросались в разрывы, вонзая в неприятелей свои короткие мечи и ударяя их под подбородки верхними краями больших щитов. Римляне не могли пробиться сквозь крепкие ряды фаланги, но и та могла лишь обороняться, не больше. Семь раз противники расходились и сталкивались снова. Обе стороны несли ужасные потери; римская линия была длиннее греческой, хотя не такой глубокой; гипасписты на флангах терпели поражение. Мегакл погиб, и фаланга дрогнула, но Пирру наконец удалось вывести из арьергарда неторопливых слонов, направив их против конницы на правом фланге римлян.

До той поры ни один римлянин не видел и не слышал о громадных чудовищах; лошади, как обычно, не вынесли их вида. Римская конница обратилась в бегство и смяла боевые порядки легионов, а Пирр напал во главе фессалийской конницы на пришедших в замешательство врагов, и битва была выиграна.

Это была не Александрова победа. Римляне потеряли 7 тысяч убитыми и 2 тысячи пленными, а у Пирра только погибли 4 тысячи человек – 16 процентов от всего войска. Пришлось вырубить целый лес, чтобы сжечь мертвые тела, о погоне не могло быть и речи. Римляне удерживали свои переправы и лагерь, пока не подготовились к уходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.